

Секция III АНТРОПОЛОГИЯ СМЕХА

Руководитель Козинцев А.Г.

*Абрамян Л.А.
Ереван*

СМЕХ В ТВОРЕНИИ И ТВОРЕНИЕ СМЕХА: ДЕМИУРГ – КАРНАВАЛЬНЫЙ ШУТ – СОВРЕМЕННЫЙ КАРИКАТУРИСТ

Философ иногда любит скрываться под маской клоуна. Порой он так преуспевает в этом, что распознать его непросто, как, например, суфия в Насреддине. Мастер дзен, выступающий в виде клоуна, идет еще дальше. Он может даже надсмехаться над своей смертью, чтобы показать абсурдность серьезного отношения к жизни. В этом смысле он отличается от карнавального шута: тот действует по законам карнавала, он сатирик – продукт переворачивающего свойства карнавала. Поэтому он всегда выступает в паре с царем (варианты пары: канатоходец – его скоморошный ассистент, политический тиран – его «шутовской» преемник, белый клоун – рыжий клоун, панки – хиппи и др.). Цирковой клоун, преемник карнавального шута, иногда прячет под неумелыми действиями великое умение (Л.Енгибаров, О.Попов). Пара умелый – неумелый имеет еще более архаичный прототип – братьев-близнецов демиургов, из которых один – неумелый (смешной) демиург, творящий неправильные (смешные) вещи. Неумелый творец – прообраз дьявола, который позже возвращается на карнавальный праздник, где его страшные качества и вид укрощаются смехом. Неумелое подражание – один из известных способов творения смеха (клоун как наше отражение в кривом зеркале). Современный карикатурист, творя смешной рисунок, подражает неумелому рисунку ребенка. «Неумелый», смешной рисунок карикатуриста помогает раскрыть его философскую мысль. Смешной схематичный общечеловек карикатуриста сближает последнего не только с архаичным демиургом, но и с его братом-двойником, диктующим «дьявольские» темы и варианты творения.

*Акопян Ю.Г.
Москва*

СТРОЕНИЕ СМЕШНОГО

Если (по Бахтину) юмор (а предположительно, и смешное вообще) говорит чужим языком, то речь идет о реинтерпретации. Мир как объект осмеяния знаково, образно, логически осуществ-

лен, он не подлежит дискурсивному и модальному формированию, он готов к воспроизведению, повторению, мультипликации. Структура смешного предполагает «второе дно», палимпсестное строение, где накладываемый чужой текст мимикрирует под базовый в точках омонимии, восстанавливает стертые, реинтерпретируя его семантически при формальном тождестве в режиме «неожиданности», и где для означающего означаемым служит другое означающее. Смех, ничего не утверждая, отсылает к должному, к интуитивной этической согласованности бытия, как в целом, так и в его фрагментах, либо, в пределе, к «невыразимой» предзаданной гармонии мира. Ирония в рамках предлагаемого предстает как перевернутое отношение, где базовое интерпретируется «чужим языком» идеального, с позиции божественного (по Делёзу).

«Чужой язык» смешного имитирует язык патологии, деградации, инфантильности, наивности, невежества и т.д. как презумпцию изначальной цельности и ценности жизни, как преодоленного непреодолимого ее ядра. Генезис комических персонажей в культурах мира – трикстеров, клоунов, шутов, дураков, низовых мудрецов и т.д., вплоть до разнообразных авторских масок, – базируется на имитации физической и умственной человеческой недостаточности и несостоятельности в целях низового тестирования культуры как реализации ее в модусе миро- и жизнестроительной триады: *мысль – слово – дело*.

*Артемова Ю.А.
Москва*

НЕКОТОРЫЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОТНОШЕНИЙ ПОДШУЧИВАНИЯ

Подшучивание – разновидность смехового поведения. Отношения подшучивания (joking relationships) как объект исследования этнологов – это такие отношения между людьми, в которых социальными нормами допускается или предписывается фамильярное, неуважительное, иногда даже оскорбительное обращение, выражающееся, в частности, в публичном высмеивании, причем такое высмеивание принято принимать без обиды. При рассмотрении функций отношений подшучивания этнологи и социальные антропологи в первую очередь указывали на функцию

регуляции отношений внутри определенной социальной системы.

Анализ этнографической литературы показывает, что проявления этого феномена в традиционных обществах и в современных городских культурах различны. Тем не менее и в том, и в другом случае он выполняет сходные социально-психологические функции. Некоторые из них будут рассмотрены в докладе.

*Архинова А.С.
Москва*

АНЕКДОТ И КИНО: ФОРМИРОВАНИЕ ШУТКИ ПОД ВЛИЯНИЕМ АУДИО- И ВИДЕОТЕКСТА

Исследование посвящено возникновению кинозависимых анекдотов (на примере анекдотов о Штирлице, далее – АШ).

1) Выявлены отклонения синтаксических конструкций АШ от синтаксических конструкций других анекдотов, преобладание прошедшего времени и импозиция главного лица. Влияние прототипического текста в данном случае заставляет анекдот развиваться по модели, отличающейся от моделей, порождающих другие циклы.

2) Исследована семантика АШ: 24% текстов имеют прямую референцию к тексту фильма, значит, почти четверть всех текстов о Штирлице в прямом смысле является кинозависимой. Элементы фильма усваиваются анекдотом сложным образом: это может происходить под влиянием частых повторов элементов, выступающих в фильме в фоновом режиме; анекдот может возникнуть, если элементы обоих скриптов, необходимых для создания комического эффекта, случайно оказываются в прототипическом тексте рядом и образуют бисоциацию в сознании адресата фильма.

3) Продуктивным способом для создания анекдотов оказывается наложение элемента видеоряда (кадра) и аудиоряда (речи персонажей) фильма. Данный процесс (сложный, с когнитивной точки зрения, потому что требует проведения нескольких операций: распознавания видеоряда, перевода его во внутреннюю речь, наложения полученного текста на текст, услышанный от одного из персонажей) оказывается на этом материале продуктивным. Порождается большое количество каламбурных анекдотов, и одновременно такими текстами задается порождающая модель для других текстов.

Следовательно, синтагматика и парадигматика анекдота возникают под влиянием источников разных типов.

*Бактыбаева А.Т.
Алматы*

СУФИЙСКИЙ СМЕХ В КАЗАХСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Суфизм – мистическое учение, в котором важная роль отводится смеховым элементам.

В книге «Бала тулпар» Г.Караша есть сюжетные произведения, напоминающие притчи, басни Саади и Руми. В них пародируются образы ханжествующих святош Бухары и Хивы. Одной из функций смеха в суфизме являлась «распознавательная»: малопонимающих, но одержимых легко распознать по чувству юмора. В притчах Г.Караша умело используются средства народной смеховой культуры: жаргон, просторечие, ситуации нарочитого непонимания, комические нелепости, алогизм.

Сюжеты по форме весьма просты. Так, в притче «Сырым батыр» коллизия строится на встрече представителей двух культурных миров: казаха – степняка и горожанина – хивинца. Художественный эффект достигается введением иной точки зрения в стереотипные отношения горожанина и аульчанина и обнажением значимых смыслов в ракурсе взаимонепонимания субъектов диалога. Одна из коллизий такова: на пятничную молитву в мечеть батыр приходит в шубе, вывернутой мехом наружу. На возмущенные вопросы муллы он отвечает: «Неужто ты усомнился в мудрости аллаха, сотворившего овцу в таком одеянии и опустившего ее с неба спасенному Исмаилу?» (кораническая сцена жертвоприношения). Параллель с насредининовскими дидактическими историями очевидна. Следовательно, произведения Караша по внутренним жанровым принципам представляют собой не монолог просвещенного мыслителя, а диалог обеспокоенного суфия с читателем. Поэт ненамеренно, спонтанно создает образ читателя – морализирующего, размышляющего казаха, к которому и обращается с разъяснениями и советами.

*Басангова (Борджанова) Т.Г.
Элиста*

ПРОЗВИЩНЫЙ ФОЛЬКЛОР КАЛМЫКОВ

Одним из неизученных фольклорных жанров калмыков является прозвищный фольклор. В народной терминологии он обозначен как «наадлад келдг уг» – «слова-дразнилки». В бурятском фольклоре они обозначены как присловья (С.П.Балдаев) или пословицы (С.Гымпилова). Полевые исследования последних лет показали, что этот жанр до сих пор бытует среди калмыков. Наиболее полно «слова-дразнилки» сохранились у родов ульдючин и талтахин. Информанты четко определяют жанровые границы урана (боевого клича) и дразнилки, которыми обменивались члены

родов на свадьбах, найрах – гулянках. В дразнилках обозначена шутовская характеристика того или иного рода, обозначено место кочевья (гора, озеро, река). Происхождение прозвищ рода и его десятки – арвана – имеет мотивировку в виде распространенного в местной традиции краткого устного рассказа. Дразнилка рода состоит обычно из одной строки или куплета из 5–6 строк.

*Березкин Ю.Е.
Санкт-Петербург*

ГЕНЕЗИС СЕВЕРОАМЕРИКАНСКОГО ТРИКСТЕРА

Трикстер – персонаж, не просто создающий абсурдные ситуации, но отличающийся противоречивым набором свойств: сильный / слабый, свой / чужой. Трикстер не представлен универсально. Яванский олененок-Канчиль или амазонская черепашка есть *герои*, которые всегда побеждают (они *сильные и свои*). Действующий в паре с Солнцем Месяц у индейцев Восточной Бразилии или То Карвуу с Новой Британии есть *неудачники – слабые*, хотя и *свои*. Наиболее ярко трикстер представлен у индейцев Северной Америки и на азиатском Северо-Востоке. Каждый из полусотни популярных трикстерских эпизодов (мотивов) распространен в пределах значительной части этого региона. Обычными протагонистами являются Ворон, Койот, Сойка, Кролик и некоторые антропоморфные персонажи. Как в Берингоморье, так и на основной территории Северной Америки они нередко считаются и Творцами. Им же чаще всего приписывается добывание огня или солнца. В этом исторически уникальном региональном комплексе видовой идентификация протагониста (Ворон и пр.) является лишь одним из многих мотивов.

Южно-американский трикстерский комплекс, известный от юга Центральных Анд до Патагонии и максимально представленный в Чако, представляет собой ответвление североамериканского. Что же до параллелей в Старом Свете, то они представлены, во-первых, у западно-сибирских народов (в обход тунгусов и якутов), а во-вторых, в Австралии и на Новой Гвинее. Генезис данного комплекса следует искать в древнейшей мифологии притихоокеанских районов Азии, отличной от континентальной евразийской традиции.

*Березницкий С.В.
Владивосток*

СМЕХ КАК СПОСОБ РЕШЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ПРОБЛЕМ В КУЛЬТУРЕ ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ ЭТНОСОВ

Смех как важная составляющая культуры позволяет коренным народам Дальнего Востока выходить из неразрешимых другими способами проблемных ситуаций, противопоставит бездуховности, повышает оптимизм и возрождает надежду на улучшение жизни. Многие случаи бытового смеха связаны с аспектами иноэтнической культуры, несоответствием этнических терминов, необычными явлениями жизни, изменением традиционной пищевой модели в результате этнокультурных контактов, что отражается в смеховом фольклоре. Имеется пласт смеховой культуры, связанный с межэтническими отношениями, особенностями своей культуры. Зафиксированы примеры горького сарказма, возникающего в результате осмысления современного бедственного положения коренных народов Севера и отношения к ним чиновников и политиков. Можно выделить несколько аспектов смеховой культуры дальневосточных этносов. Наибольшее количество примеров связано с бытовым смехом и со смехом в результате осмысления иноэтнических отличий. В юморе и смехе для коренных народов видится определенный выход из современного тяжелого экономического положения, вызванного уменьшением поголовья оленей, финансовыми и экологическими проблемами, утратой престижности охоты и рыболовства. В духовной культуре сохраняется ритуальный смех. В наименьшей степени сохранились верования, связанные со смеховыми табу. В целом смеховая культура коренных народов региона отличается высокой степенью толерантности, ироничный смех не имеет под собой злой основы, жесткого высмеивания, люди с одинаковой легкостью смеются над собой и над другими народами.

*Бернштам Т.А.
Санкт-Петербург*

«СМЕХ» И «ПЛАЧ» В ОБРЯДОВОЙ КУЛЬТУРЕ РУССКИХ КРЕСТЬЯН

«Смех» и «плач» – народные собирательные названия символов эмоциональных средств выражения (психофизических и вещественных) и основанных на них ритуальных форм поведения, дифференцированных по половозрастному признаку, поскольку **смеху** приписывались **мужская природа и молодость**, а **плачу** – **женское** (или андрогинное) начало и **старость**.

По качеству (свойствам) и характеру действия эмоции разделялись на **положительные, празд-**

ные («дурацкие») и отрицательные, оценка которых отразилась в правилах этикета и фольклоре (сказка, анекдот, пословицы и др.). Спектр эмоциональных степеней представлен в индивидуальном поведении – бытовом и магическом, в большинстве своем стихийном и неподконтрольном социальному регулированию. Целенаправленное обучение обрядовым эмоциональным ролям начиналось с раннего детства и завершалось по вступлению в брак.

В игре совершеннолетней молодежи, а также в ритуалах календарного и жизненного циклов смеховые и плачевые символы функционировали в виде **антиномии**, исполнявшей ответственные роли в механизме «управления» миропорядком и циклическим воспроизводством: эта антиномия **выравнивала** и **сохраняла** психоэмоциональное равновесие, **стимулировала** рост и плодородие путем **нейтрализации** вредоносных сил (в народных терминах – *пугать, изгонять, провозжать*).

Феномен «смех – плач» является эмоциональным стержнем игрищ и представлений **святочно-масленичного** цикла, неверно трактуемых в духе «смеховой культуры». Главные его функции заключались в преодолении страха перед зимневесенним рубежом, **апокалиптическая** семантика которого оформилась в русле христианизации.

Васильева Д.О.
Санкт-Петербург

ЧУЖЕЗЕМЦЫ ИЛИ ЗЕМЛЯКИ: РАЗНЫЕ НАРОДНОСТИ В ИРАНСКОМ КОМИЧЕСКОМ ТЕАТРЕ

Инородцы – частые персонажи иранского традиционного театра. Структура представлений на религиозные сюжеты, подчиненная идее противостояния светлого и темного начал, героев и злодеев (те и другие – арабы-мусульмане), предполагала наличие нейтральных персонажей, принимающих сторону добрых героев. Ими становятся, например, европейский посланник и девушка-христианка. Позднее комические представления на религиозные сюжеты стали включать нарочито забавных персонажей, перекочевавших туда из светского театра, в том числе слугу-негра со смешным выговором.

Сюжеты светских комических представлений издавна строились на осмеянии различных этнических групп: кашанцев, мазендеранцев, армян, евреев, арабов, негров, тюрок. Наиболее раннее из известных описаний подобного сатирического осмеяния, составившее сюжет представления кукольников, датируется XIII в. и приводится в сочинении историка Ата Малика б. Мухаммада Джувейни.

Традиционным приемом при изображении

представителей тех или иных народностей и уроженцев разных городов Ирана стало высмеивание их выговоров. В представлениях включались персонажи неиранского происхождения, представители разных профессий и сословий. Постепенно негр становится сквозным персонажем иранского театра, частым героем народных комедий, кукольных представлений и новогодних зрелищ. Его можно узнать по своеобразному выговору, черному лицу, красной одежде и колпаку. Он забывчивый слуга, шут, лентяй и бездельник, на котором, однако, держатся все комические столкновения спектакля.

Так, осмеянные чужие народности если и не становятся своими, то все же делаются ближе и понятнее.

Вельмезова Е.В.
Москва

МЕЖДУ ПОСЛОВИЦЕЙ И АНЕКДОТОМ: «НОВЫЕ ПОСЛОВИЦЫ» В РУССКОМ И ЧЕШСКОМ ПОСТФОЛЬКЛОРЕ

Так называемые «новые русские пословицы», в изобилии распространившиеся в городском фольклоре в течение нескольких последних десятилетий, от «традиционных» анекдотов отличаются своей «пословичной» формой, а от «традиционных» пословиц и поговорок – «анекдотичным» содержанием, хотя чаще всего и с примесью характерной для пословиц поучительной тенденции. При этом «анекдотичная» составляющая новых русских «пословиц-анекдотов» во многом основывается на узнавании в них старых пословиц, прежде всего, их формы, контрастирующей с новым содержанием. Комический эффект, таким образом, достигается за счет опоры нового на старое.

Продуктивность этого нового жанра также обеспечивают опоры на старое и возможная при этом вариативность: от одной старой пословицы могут образовываться сразу несколько новых пословиц (*Тише едешь – дальше будешь* > *Тише едешь – меньше должен*; *Тише едешь – скоро состаришься*; *Тише едешь – больше командировочных*; *Тише едешь – как не русский*; *Тише едешь – меньше русский* и т.д.).

Выделяя несколько групп таких «новых пословиц», различающихся по степени их сходства с традиционными пословицами, от которых они были образованы, мы попытаемся найти ту основу, тот «костяк», который лежит в основе сходства нового со старым. В отдельной части доклада мы рассмотрим структурно-функциональные сходства и различия анекдота и «новой пословицы», а также сопоставим «новые русские» и «новые чешские» пословицы и поговорки.

Воробьев Д.В.
Москва

СМЕХ КАК ВЫРАЖЕНИЕ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ К КУЛЬТУРЕ

Доклад посвящен подшучиванию аборигенов российского Севера над людьми, не принадлежащими к их культуре и не знакомыми или недостаточно знакомыми с ее реалиями. Материалы были собраны у эвенков севера Туруханского района Красноярского края.

Можно выделить следующие поводы для такого подшучивания и условия его реализации.

1. Шутка базируется на незнании языка (в данном случае – эвенкийского) тем, на кого она направлена.

2. Объектом незатейливого подшучивания может выступать человек, не знакомый с местными условиями. Часто речь идет об особенностях повадок животных и специфике традиционных отраслей хозяйства (например, оленеводства).

3. Объектом более изощренного подшучивания, основанного на юмористической трактовке и ироническом осмыслении информантом собственной культуры, как правило, являются более сведущие люди (местное некоренное население, исследователи, молодые представители коренного населения).

Таким образом, смех в данном контексте представляет собой смех носителя знаний традиционной культуры над непосвященным. Между тем смеховое поведение представителей доминирующей культуры по отношению к народам Севера, проявляющееся, например, в «анекдотах про чукчу», часто (хотя и не всегда) базируется на этнических стереотипах, имеющих мало общего с действительностью.

Дорфман В.В., Бутовская М.Л.
Москва

ВОЗРАСТНЫЕ И ГЕНДЕРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ О СМЕШНОМ И ГРУСТНОМ У ДЕТЕЙ (ПО МАТЕРИАЛАМ РИСУНОЧНЫХ ТЕСТОВ)

В докладе рассматриваются общие возрастные и гендерные различия в восприятии и отношении к смешному и грустному на примере современных российских школьников в возрасте от 8 до 12 лет. Представления девочек и мальчиков о смешном достоверно различаются по целому ряду параметров, тогда как представления о грустном сходны. Мальчики чаще девочек видят смешное в своем неадекватном поведении, чего девочки практически никогда не делают. Девочки обращают больше внимания на свой внешний облик, и им менее приятно показаться смешными в глазах других. Нежелание выглядеть смешной является типичной чертой женского поведе-

ния и четко присутствует в образных представлениях детей о себе и внешнем мире уже в 10–11-летнем возрасте. Грустные рисунки мальчиков и девочек имели больше сходства, чем смешные. К 11–12 годам в детских рисунках на тему грустного регулярно встречаются сюжеты, связанные с природными катастрофами, загрязнением окружающей среды. В сюжетах грустных рисунков прослеживался ряд гендерных различий. Мальчики чаще изображали сцены жестокости и смерти. При этом они воспроизводили необычные ситуации, связанные с неопытностью участников, просчетами и ошибками и подчеркивали содержательную сторону событий, тогда как девочки чаще изображали сюжеты, отражающие собственные эмпатические переживания, больше свойственные женщинам. В целом грустное у девочек эмоционально ассоциируется с неприятным и страшным, а у мальчиков – с жестокостью, агрессией и насилием.

Козинцев А.Г.
Санкт-Петербург

ДЕСЕМАНТИЗАЦИЯ КАК ГЛАВНАЯ ЧЕРТА ЮМОРА И ЕЕ ЭВОЛЮЦИОННЫЙ СМЫСЛ

В английском детском стихе мудрец, выцарапав глаза в колючем кусте, забирается в другой куст и «вцарапывает» их снова. Небывальщина и черный юмор – не экзотическая периферия, а, напротив, центр, где свойства юмора проявляются максимально отчетливо. Главное из них: смысл юмора – вне юмористического текста. Из всех т.н. «семантических механизмов юмора» собственно юмору принадлежит один – десемантизация. Все прочее, относящееся, в частности, к хитрости, находчивости, остроумию, лишь фасад, роль которого на ранних этапах развития юмора невелика. Хитрость Трикстера вторична, глупость изначальна, но, вопреки Юнгу, она вовсе не отражает первобытное состояние психики. Провалы психоаналитических, социологических и иных трактовок, обращенных к явному или тайному «смыслу» юмора, заставляют поставить вопрос об игровой десемантизации как адаптивной стратегии единственного в мире символизирующего вида. Антиязыковая направленность юмора проявляется не только в незаконном использовании языковых средств, но главным образом – в подрыве референциальной функции языка. Денотаты юмора фиктивны, реализм мнимый, «серьезная» позиция юмориста неопределима. Поскольку смех – врожденный и бессознательный метакоммуникативный сигнал несерьезности нарушения нормы, можно предположить, что юмор – это игровой бунт, прорыв наружу подспудного протеста человеческой (вернее, общеприматной) природы против семиозиса. Генетическая связь юмора с ритуалами обновления мира путем временной от-

природой.

мены значений позволяет видеть в нем адаптивный механизм, смягчающий конфликт между культурой и

Красиков М.М.
Харьков

СМЕХОВОЙ МИР СОВРЕМЕННОГО УКРАИНСКОГО СТУДЕНЧЕСТВА

В докладе на материале исследования настольных и настенных граффити, зафиксированных в ряде вузов Харькова и Киева, исследуется специфика стихийного вербального и изобразительного творчества студентов. Большая часть (около 80%) надписей и рисунков носит юмористический характер. Пародия, шарж, утрирование, намеренное опошление «высокого», карнавальное «переворачивание» «святого» и просто «пристойного», сниженная (нецензурная) лексика – черты дискурса студенческой субкультуры, которая в большой степени носит игровой характер.

Причина именно такого характера данной культуры – не только в генерационных психофизиологических особенностях молодежи, но и в проявлении внутренней свободы, раскрепощенности, открытости, часто – в выражении оппозиционности по отношению не столько ко «взрослым» ценностям и приоритетам как таковым («аксиологический бунт»), сколько к навязанным старшими конкретным модусам бытия (скучные или сложные лекции, «жесткий» прием экзаменов и зачетов, административный контроль за поведением, морализаторство «педозавров» и т.п.). Преимущественно смеховое (нередко – «черно-юморное», граничащее с цинизмом, или гротескно-ироническое) освещение таких популярных в студенческом фольклоре тем, как эротика и пьянство (наркомания), что характерно и для современного российского и украинского «общенародного» фольклора, как правило, связано не с реальной девиантностью поведения или сознания (в данном случае авторов граффити), а со стереотипами восприятия этих тем в массовой, «низовой» культуре.

Корни этой традиции обнаруживаются как в студенческом фольклоре предшествующих эпох, так и в школьном фольклоре XIX–XX вв., параллели находим мы и в таких жанрах, как лубок, бытовая сказка, раек, анекдот, народное красноречие.

Мазалова Н.Е.
Санкт-Петербург

СМЕХ В МАГИЧЕСКИХ ПРАКТИКАХ РУССКОГО КОЛДУНА

Магическим практикам колдуна нередко сопутствует смех. Он обычно злорадный, связан с

общей направленностью магической деятельности колдуна – причинением вреда и недоброжелательностью к людям. Смех символизирует превосходство колдуна над профанами, обусловленное владением «тайным» знанием. Этот смех нередко усиливает страх – основное чувство, вызываемое колдуном у окружающих и служащее для него орудием управления. Но нередко смех колдуна снимает страх, показывая, что угроза, исходящая от колдуна в данный момент, не смертельна и происходящее скорее игра.

Колдун смеется над окружающими, демонстрируя свою силу (мифологические сюжеты «Колдун морочит»). Его насмешки вызывают у них страх, изумление, восхищение. Обычно смех колдуна направлен на односельчан. Однако колдун может смеяться и над представителями власти, которые пытаются запретить ему заниматься магией. Тогда с ними происходят чудесные вещи и они, посрамленные, испытывая страх и стыд, отправляются восвояси. Здесь смех служит орудием наказания.

Смеяться над колдуном может только другой, более сильный колдун или бывалый человек, знакомый с магией (мифологические сюжеты «Дока на доку»). Осмеяние колдуна обычно приводит к утрате им магической силы. Победенный колдун испытывает к победителю чувство страха и стыда. Насмешки же над колдуном со стороны профанов обычно приводили к печальным для них последствиям: колдун из мести насылал на них болезнь или даже лишал жизни.

Рабинович Е.Г.
Санкт-Петербург

СЛУЖАНКА ЯМБА

В гимне к Деметре опечаленную богиню развеселила служанка Ямба. Считается, что шутка была непристойной, так как в мистериях был якобы сквернословящий персонаж «Ямба», а значит, «ямб» изначально шутлив и/или непристоен, хотя свидетельств, что ритуальная айсхрология должна была быть ямбической, нет. Гимн современен Архилоху, который, как иногда считается, использовал размер, употреблявшийся для шуток, но ничто у Архилоха не указывает на шутливость ямба: он пел ямбом о войне, о любви, обо всем. Правда, ямб не употреблялся в эпосе и хоровой лирике – Аристотель называет его «разговорным» и производит от *iambizein* 'язвить', что ассоциируется с пиршественными импровизациями, часто дразнилками, но редуцировать пиршественную поэзию до «ямбической айсхрологии» не получается: нет свидетельств, что пирующие предпочитали темы шуточные и тем более непристойные. У ямба и пира много общего: свободная тематика, тенденция к амебейности, относительная

простота. Несмотря на то, что ямб существовал не только для пира, он явно тяготел к пиру, а пир к ямбу – и как пир мог быть по любому поводу, так и ямб мог быть почти чем угодно. Вспомним, что Ямба пошутила за обедом: богиня от горя потеряла аппетит, а после шутки преломила хлеб – вероятно, Ямба сказала нечто, без чего еда не в радость, а это и есть ямб.

*Рог Е.Ю.
Владивосток*

ТВОРЧЕСТВО ДАНИИЛА ХАРМСА В СВЕТЕ ЭТОЛОГИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ СМЕХА

Современная антропология постепенно приходит к выводу, что смех – игровая форма антиповедения – является бунтом человеческой природы против культуры и символизации (в первую очередь речи). Смех и юмор всегда направлены против всех без исключения систем правил и, соответственно, представляют собою идеальный негатив человеческой культуры.

Литературное творчество участников группы «ОБЭРИУ» (в частности, Даниила Хармса) можно назвать своеобразным смеховым отрицанием, взрывом языка, а их поведение на сцене и отчасти внесценическую жизнь – попыткой выйти за рамки культуры. Хармс в своих стихах, рассказах, сценках создает неупорядоченный мир нелепости, стремясь сделать его максимально «дурацким»: элементы балагурства, обесмысливание, коверкание слов и «неуместная» рифма служат цели оглушения слова, фразы, лишения их смысла. Произведения писателя являются «перевертышами», опрокидывающими мир культуры, ставящими его с ног на голову. Цель такого «опрокидывания» – вызвать смех над самим собой и подвигнуть на это читателя.

Каждое слово хармсовских творений призывает нас вернуться к докультурным истокам человеческого состояния, играя нарушить вместе с автором все существующие жизненные и языковые запреты и правила и получить от этого удовольствие, потому что смех – это и есть выражение «удовольствия, испытываемого людьми при реализации их безотчетной и бескорыстной потребности вести себя не так, как они сами считают нужным».

*Родионов М.А.
Санкт-Петербург*

СМЕХОВЫЕ ЭФФЕКТЫ В ДЕЛОВОЙ ПЕРЕПИСКЕ СУЛТАНОВ СЕЙУНА

Обсуждая с жителями Хадрамаута документы из султанских архивов, я не раз замечал, что нейтральные, на первый взгляд, фрагменты текста могут вызывать улыбку или смех. Такая реак-

ция возникает, например, при чтении письма племенного вождя Амира ас-Сукайра, в котором он доносит султану Али ал-Касири о смутьянах, посмеявших создать свой квартал в деревне Мадуда, «хотя он величиной в сажень». Комичность выражения (осознанная или неосознанная автором письма) понятна тому, кто знает стихи, высмеивавшие ничтожные размеры самого султаната ал-Касири: «Чего величать? Земля твоя – пядь. // Конский скак – и пощади нас Бог!». Таким образом, квартал площадью в сажень оказался в государстве величиной в пядь.

Здесь и в большинстве других рассмотренных случаев смеховые эффекты возникают на стыке письменной и устной традиций, находящихся во взаимодополнительных отношениях. В некоторых документах есть упоминания о предварительных устных договоренностях или о том, что вручающий послание пояснит его текст на словах. Однако даже те традиционные документы, которые вроде бы не отсылают к устной традиции, могут быть истолкованы с ее помощью. Возникающий при этом смеховой эффект описан в известном русском анекдоте: Крестьянин читает большевистский декрет, приговаривая: «Ох, жмуть! – Кто жмет? – Сапоги жмуть. – Да ты ж босой! – Потому и босой, что жмуть!».

*Родионова Е.М.
Санкт-Петербург*

МЕЖЭТНИЧЕСКИЙ «ЮМОР» В АРМЯНСКОЙ ЛЕТОПИСИ XVII В.

В армянских летописях, посвященных турецко-сефевидским войнам в Армении, переселению армян в Персию, мало рассказов о смешном, больше – о страшном.

Так, единственный образец межэтнического «юмора», приведенный в «Книге историй» Аракела Даврижеци, – рассказ об издевательствах правителя города Фахрабад над евреями, не желавшими переходить в ислам. Под страхом штрафа и тюремного заключения их заставили носить особые знаки: шнуры с мелкими колокольчиками и кусками железа и меди, повешенные на шею. Даврижеци пишет о насмешках, которым подверглись евреи, без всякого злорадства, делая вывод, что их покорность была не напрасна, ибо персы вскоре оставили их в покое, позволив сохранить изначальную веру.

Это типичная ситуация, когда этноконфессиональное большинство отказывает меньшинству в полноценном социальном статусе с помощью символической атрибутики (колокольчики – символ стада, железо и медь – несправедливо приобретенного серебра и золота). Метафорический потенциал этих символов мог казаться смешным для

тогдашних персов, но, как всякий асимметричный юмор, вряд ли вызывал смех у евреев и армян.

*Романова И.Н.
Минск*

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЧАСТУШКА В ТОТАЛИТАРНОМ ОБЩЕСТВЕ

В противоположность панегирическому «советскому фольклору», насаждавшемуся искусственно, подлинно массовое устное творчество политической направленности в период т.н. социалистического и коммунистического строительства состояло из произведений сатирических, выражавших истинное отношение народа к большевистской диктатуре и уродливым ее результатам в повседневной жизни простых людей. Политический фольклор становился фактически единственно возможной формой критики и протеста против жестокости и глупости властей. Очевидно, шутки и частушки распространялись и с развлекательной целью. Однако опасность рассказывания и распевания таких куплетов была столь велика, что они приобретали огромный политический смысл.

Сюжетная классификация частушек, хотя и в упрощенном виде, позволяет уловить, в каких категориях предстает политическая система советского общества в массовом сознании. В фольклоре народ возлагает ответственность за создавшееся положение не на абстрактных врагов народа, как предлагала ему пропаганда, а на конкретных носителей власти.

По понятным причинам записей политических частушек сохранилось чрезвычайно мало. Счастливые исключения составляют коллекции Д.Зеленина и А.Волкова. Источниками для проведения данного исследования стали материалы, собранные во время экспедиций по Беларуси и выявленные в Национальном архиве Республики Беларусь (спецсводки, докладные спецорганов и органов власти).

*Ромодин А.В.
Санкт-Петербург*

СМЕХ В ТВОРЧЕСТВЕ И ПОВЕДЕНИИ НАРОДНЫХ МУЗЫКАНТОВ

В докладе рассматривается комплекс смеховых поведенчески-исполнительских способов-форм, осуществляемых народными музыкантами. Звукотворчество предстает одним из действенных средств обнаружения активного, жизнеутверждающего начала, присутствующего в традиционной культуре и ее носителям. Разнообразные способы смехового выражения воплощаются в жизни, искус-

стве, обрядовой практике музыкантов. Энергетический побудительный импульс оказывается глубоко свойственным не только традиционному музицированию, но и связанному с ним от природы синкретичному кругу кинетических видов и форм (танцевальных, игровых, жестовых, двигательных, мимических и т.п.). Терпкие «скомо-рошьи» шутки музыкантов, экспрессивные гротескные черты, содержащиеся во многих образцах звукотворчества (включая особую краску «свирепого комизма»), вызывают чрезвычайно острые, напряженные эмоции и вместе с тем способствуют обретению человеком максимальной – внутренней и внешней – свободы.

*Станюкович М.В.
Санкт-Петербург*

ДОМИНАНТНЫЙ МУЖСКОЙ СМЕХ В ФИЛИППИНСКОМ ЖЕНСКОМ ЭПОСЕ

В языке филиппинских горцев ифугао существует ряд терминов, обозначающих разные виды смеха: **kiki** – смех (наиболее общий нейтральный термин), **abato** – хихиканье, **gala'ga'** – открытый, добродушный смех, смех от души, **ato'ga:oy**, **talo'oy** – буйный хохот и т.д.

В художках – женских эпических сказаниях – эти термины не встречаются. В эпической лексике используется термин **bog-ak**, не употребляемый в повседневной речи. **Bog-ak** – доминантный смех, почти всегда мужской, связанный с мотивом осмеяния и унижения соперника. Как правило, доминантный смех присущ положительным героям-богатырям, однако иногда и их недостойным соперникам. В тех редких случаях, когда этот смех звучит из женских уст, он также носит оттенок торжества, являясь отголоском мужского доминантного смеха (смех матери богатыря, победившего соперника в борьбе за невесту).

*Хасан Б.И., Щербаков Н.Н.
Красноярск*

СМЕХОВЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ КАК ИНДИКАТОР НОРМАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ В РАННЕМ ОНТОГЕНЕЗЕ

Современный психолог, изучающий смех и знакомый с этологией, сразу сталкивается с оппозицией: с одной стороны, он вынужден бороться с мифами о смехе в традиционной психологии, с другой – с претензиями этологии на исчерпывающее знание об онтогенезе человеческого смеха.

Учитывая современные данные этологии и антропологии, можно говорить о *смеховой активности* индивида, которая носит врожденный характер и, подобно фрейдовскому *либидо*, исполь-

зует для своего осуществления окружающую действительность (тогда как психологией традиционно смех рассматривается как реакция на смешное). Функции смеховых проявлений (далее – СП) – чрезвычайно интересный, с точки зрения детской психологии, вопрос, так как СП играют важную конструктивную роль в коммуникации и, по-видимому, тесно связаны с игрой.

При этом есть веские основания полагать, что на развитие СП влияют факторы, не учитываемые этологией с ее «взглядом с высоты птичьего полета»: ранние отношения ребенка и матери (формирующие тип привязанности), депривация (с родителями или без них, наличие опыта общения со сверстниками) и др.

Посредством сравнительного исследования поведения детей 1,5–3 лет, воспитывающихся родителями, и их ровесников, воспитывающихся в доме ребенка, нам удалось установить, что условия развития в раннем онтогенезе отражаются на количественных и качественных характеристиках СП детей.

Это позволяет поставить вопрос о смеховых проявлениях как индикаторе нормального психического развития в раннем онтогенезе.

Хашиба Р.А.
Сухуми

СВАДЕБНЫЙ И ПОМИНАЛЬНЫЙ РИТУАЛЬНЫЙ СМЕХ У АБХАЗОВ

Свадебный смех абхазов связан не только с общим весельем и шутками скоморохов и шутов, но в большей степени с ритуалом, в котором ярко проявляется культ детородных органов. В одежде ряженных, шуточных сценах, игривых фразах подчеркивались фаллические элементы. Наиболее ярко фаллический элемент проявляется в ритуале купли-продажи «бриллианта», происходившем между партиями жениха и невесты. Элементы культа детородных органов представлены и в ритуале подсматривания за молодыми в *амхаре*, где их наконец оставляют одних. Молодежь окружает амхару, и здесь царит смех, который, по словам стариков, имеет оплодотворяющее значение: чем больше людей смеется, тем плодотворнее будет невеста, тем выше урожайность земли и поголовье скота.

Поминальный смех. Ни к одному ритуалу абхазы не относились так свято, как к похоронам. Умерший, независимо от социального статуса, – Человек и должен быть похоронен с почестями. Однако главный жизненный принцип незыблем – жизнь продолжается. Абхазы поступают согласно пословице: «У жизни и смерти сросшиеся пятки», подтверждая бахтинское: мир разрушается, чтобы возродиться. Умирая, мир рождает. В годовщину смерти, вечером, после поминок, устраива-

лись представления шутов и скоморохов, имевшие, как и свадебные ритуалы, фаллическую окраску. По народным представлениям, смех – прерогатива жизни, обеспечивает умершему новую жизнь и новое воплощение. Основной персонаж – Самак-ва – персонифицирует фаллос. Он обсыпает золой (якобы огнем) сидящих вокруг очага зрителей, так как огонь – оплодотворяющее начало.

Христофорова О.Б.
Москва

МОТИВ «НАСМЕШКИ» В РУССКОЙ НЕСКАЗОЧНОЙ ПРОЗЕ

Смеховое поведение, как вербальное (передразнивание, насмешки), так и невербальное (хохот, специфические жесты), – существенная характеристика демонологических персонажей (черта, лешего, водяного и др.) в русском фольклоре. В докладе на материале несквозной прозы (быличек, как опубликованных, так и собранных автором в 1999–2005 гг. в нескольких регионах России) рассматриваются особенности такого поведения в сопоставлении с семантическими полями диалектных терминов (*насмехиваться, грать, галиться, дековать/ся* и пр.), а также с теми чертами поведения и роли в социальных взаимодействиях, которые народная традиция приписывает колдунам (сюжеты быличек «порча свадьбы», «демонстрация силы колдуна», «соствязания колдунов» и т.п.).

Шахнович М.М.
Санкт-Петербург

ПОШЕХОНЦЫ, ИЛИ ГОРЕ УМУ

Известно, что И.П.Сахаров и В.И.Даль считали, что рассказы о пошехонцах были заимствованы из польских или немецких источников. А.А.Потебня, Н.Ф.Сумцов и Г.О.Винокур стремились доказать, что истории, изложенные в XVIII в. В.С.Березайским и получившие огромную популярность в России, имели отечественное происхождение. В современной литературе небылицы о пошехонцах трактуются как вариант сказок о простаках или рассматриваются в контексте теорий антиповедения и декарнализации.

В докладе делается попытка рассмотрения историй о пошехонцах в связи с т.н. «географическими» присловьями. Автора интересуют вопросы географической локализации «страны дураков», происхождения и причины их дурачества, отношения к ним соседей, значения и смысла чуждчества и др.

Сопоставляя тексты о пошехонцах с близкими по содержанию анекдотами (об абдеритах, габровцах, шильдбюргерах, жителях Хяме, Хелма и

т.д.), автор делает вывод, что первичной основой небылиц о пошехонцах, вероятно, являются анекдоты об их путешествии в столицу (Москву) и о пережитых ими по дороге приключениях, которые не имеют параллелей в мировом фольклоре.

В качестве основного источника, помимо известной книги В.С.Березайского «Анекдоты древних пошехонцев с присовокуплением забавного словаря» (1798 г.), в докладе используются истории о пошехонцах, изложенные в 1930 г. жителями города Володарск (Пошехонье) Ярославской области и записанные М.И.Шахновичем (рукопись хранится в семейном архиве).

*Щербаков Н.Н.
Красноярск*

СПЕЦИФИКА ДЕТСКОГО АНЕКДОТА

Опыт общения с детьми и специальные опросы позволяют утверждать, что в детской субкультуре бытует особый жанр, названный нами «детским анекдотом» (далее – ДА).

ДА отличается от анекдота «взрослого» прежде всего тем, что взрослые такие анекдоты, как правило, не рассказывают, начисто «вытесняя» их из своих детских воспоминаний (по-видимому,

из-за крайне примитивных, архаических приемов комического).

При этом многие ДА, бытующие в современной детской субкультуре, знакомы нам по личным воспоминаниям более чем 20-летней давности (этнографический аспект ДА).

Следует указать на связь ДА и других фольклорных жанров – мифа о трикстере, сказки, шванка (культурно-исторический и филологический аспекты ДА).

Анекдоты появляются в детской среде на седьмом-восьмом году жизни, что, видимо, связано с развитием мышления и речи ребенка (Пиаже). Период бытования ДА – старший дошкольный и младший школьный возраст, в подростковом возрасте они выходят из обихода.

Рассказывание анекдота выполняет в детской субкультуре ряд функций: кроме «структурирования времени», «тестирование» слушателя на интеллект, а также, подобно тому, как это происходило в средневековом карнавале (Бахтин), коллективное профанирование усвоенных ранее норм и ценностей.

Анализируя известные нам ДА, можно разделить их на следующие типы по вызывающим комический эффект приемам: с «веселыми материями»; со словесным экспериментированием; с означиванием; с реверсией ценностей.